

Ежи Калишан

Некоторые наблюдения над ростом агглютинативности в системе префиксального образования имен в современных русском и польском языках : на материале образований, возникающих с помощью префиксальных морфем интернационального типа

Studia Rossica Posnaniensia 10, 57-66

1978

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЕЖИ КАЛИШАН

Познань

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД РОСТОМ АГГЛЮТИНАТИВНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРЕФИКСАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН В СОВРЕ- МЕННЫХ РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

На материале образований, возникающих с помощью префиксальных морфем
интернационального типа

В течение последних десятилетий в русском и польском именном слово-производстве наблюдается значительный рост продуктивности некоторых иноязычных приставок интернационального характера, таких, как *a-*, *анти-*, *архи-*, *де-*, *гипер-*, *интер-*, *квази-*, *контр-*, *миш-*, *пост-*, *пре-*, *про-*, *псевдо-*, *ре-*, *суб-*, *супер-*, *транс-*, *ультра-*, *экс-* и нек. др.

Увеличение роли препозитивных морфем названного типа в русском и польском языках способствует не только активизации префиксального способа производства имен в этих языках, но также и влечет за собой ряд разнообразных изменений в структуре и семантике производного слова. Сумма этих изменений создает картину, свидетельствующую о некоторой тенденции к росту агглютинативных черт в системе префиксальной именной деривации в русском и польском языках.

Как известно, понятия „агглютинативный”, „агглютинация”¹ — принадлежность типологического языкознания, где они используются в качестве одного из критериев морфологической классификации языков. Тем не менее, эти термины применимы также и по отношению к русскому и польскому языкам, и вообще к славянским языкам, так как в морфологической структуре этих языков, несмотря на основную их принадлежность к флективному типу,

¹ См. толкование этих терминов в кн.: О. С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, Москва 1966; Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, *Справочник лингвистических терминов*, Москва 1972; Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański, *Słownik terminologii jezykoznawczej*, Warszawa 1968.

обнаруживаются некоторые тенденции, характерные для языков типа агглютинативного.

К сожалению, лингвистическая литература, касающаяся агглютинативных черт в структуре славянских языков, пока еще небогата и исчерпывается лишь несколькими, небольшими по объему, работами.

Среди имеющихся работ, посвященных этой проблеме, особого внимания заслуживает, по нашему мнению, статья болгарского лингвиста И. Лекова *Отклонения от флективного строя в славянских языках*. В ней довольно много места посвящено русскому и польскому языкам, в которых, согласно мнению автора, агглютинативные черты распределены в разных структурных частях этих языков². На некоторые агглютинативные особенности в структуре славянских языков указано также в статье М. Чолькова *Към вопроса за наличието на аглутинативни елементи в славянските езици*³. Что касается только русского языка, многие интересные наблюдения относительно проявления ряда агглютинативных черт в системе этого языка были сделаны В. В. Виноградовым и А. А. Реформатским⁴.

Однако, к сожалению, агглютинация как способ построения слова в отдельных славянских языках рассматривается в упомянутых работах лишь исключительно в плоскости словоизменения и формообразования, не затронут вопрос наличия и распространения агглютинативных свойств в области так называемой словообразовательной морфологии — в структуре производного слова. Если в названных работах имеются даже какие-либо упоминания об этом, то они обычно касаются черт и явлений, свойственных славянским языкам уже долгое время, и совершенно не учитывают явлений новых, а также современных тенденций, которые имеют ранг факторов, определяющих дальнейшее развитие этих языков в сторону агглютинации.

В этом отношении своего рода исключением является трактовка данной проблемы во второй книге монографии *Русский язык и советское общество*, посвященной вопросу эволюции словообразовательной системы русского языка в советский период. Анализ роста агглютинативности в системе современного русского словообразования посвящена значительная часть первой главы названной книги. Е. А. Земская — автор этой главы — употребляет термин „агглютинативность” в традиционном значении, в таком, в котором он используется при характеристике языка в типологическом плане: „Агглютинативность — пишет Е. А. Земская, — понимается как свойство, против-

² И. Леков, *Отклонения от флективного строя в славянских языках*, „Вопросы языкознания” 1956, № 2, стр. 18 - 26.

³ М. Чольков, *Към вопроса за наличието на аглутинативни елементи в славянските езици*, „Известия на Института за български език”, кн. XI, София 1964, стр. 95 - 99.

⁴ См.: В. В. Виноградов, *Русский язык*, Москва—Ленинград 1947, стр. 595, 651; А. А. Реформатский, *Введение в языковедение*, Москва 1967, стр. 272.

положное фузии. В семантике производного слова она обнаруживается во взаимоотношениях соответствия между означаемым и означающим, в отдельности подачи элементов информации в составе словоформы, в структуре производного слова — в свободном «склеивании» морфем, отсутствии явлений морфологического взаимоприспособления морфем при их соединении»⁵.

Так понимаемая агглютинативность, по мнению Е. А. Земской, характерна как для префиксального, так и для суффиксального производства слов в русском языке, причем, как справедливо отмечает сам автор, наиболее существенным образом агглютинацией затронут префиксальный способ образования имен⁶. Если иметь в виду отсутствие особых различий в структуре русских и польских префиксальных имен, подобное мнение можно, как нам кажется, отнести и к польскому языку.

Не игнорируя роль отечественных именных префиксов в русском и польском языках, следует признать, что рост агглютинативности в системе русской и польской именной префиксации связан главным образом с привлечением и активизацией многих интернациональных приставок, так как дериваты, созданные с помощью этих приставок, обладают некоторыми свойствами, не характерными или характерными лишь только в какой-то мере дериватам, построенным с помощью исконно русских или польских приставок. Кроме того, сами иноязычные приставки обнаруживают некоторые черты, не свойственные ни русским, ни польским префиксальным морфемам.

Пользуясь примерами, попытаемся определить, в какой степени затронуту агглютинацией производство русских и польских имен, при котором в качестве словообразовательных формантов используются иноязычные приставки интернационального типа.

Итак, в плане структуры производного слова агглютинативность проявляется здесь в отсутствии взаимоспаянности основы и префикса, в отсутствии какой бы то ни было взаимоадаптации морфем при их объединении. Благодаря такому объединению морфем в одно целое, достигается максимальная прозрачность морфологической структуры слова, а расчлененность компонентов, четкость границы между приставкой и производящей основой содействует сближению и идентификации производного и производящего⁷. Ср., на-

⁵ *Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка*, Москва 1968, стр. 10.

⁶ Там же.

⁷ Признавая отсутствие взаимоприспособляемости морфем одним из признаков агглютинативного строения слова, трудно согласиться с мнением Е. А. Земской, усматривающей элементы агглютинативности не только в отсутствии, но также и в наличии интерференции морфем (ср. *Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка*, указ. соч., стр. 12). Интерференция, на наш взгляд, не способствует структурной прозрачности деривата и имеет, по сути дела, фузионный характер. Фузионную интерпретацию этого явления мы находим между прочим у Е. С. Кубряковой: „Особого внимания

пример, *антиатом* = *анти* + *атом*, *суперсовременный* = *супер* + *современный*, *aspoleczny* = *a* + *spoleczny*, *eks-maź* = *eks* + *maź*.

Подобная техника присоединения префиксов к основе при образовании русских и польских имен, а именно отсутствие связанности, прикрепленности к производящей основе — вот то, что роднит эти префиксы с типично агглютинативными префиксами, выступающими в языках агглютинативного строя⁸.

Структурная обособленность многих заимствованных префиксов, используемых в русском и польском именном словопроизводстве, и, следовательно, их агглютинирующий характер, поддерживается нередко наличием на них побочного ударения⁹, которое не только способствует расчлененности элементов на словообразовательном уровне, но и — как, например, в русском языке — устраняет возможность позиционного изменения гласных в приставке, что в свою очередь усиливает степень узнаваемости префиксальной морфемы в процессе речевой коммуникации. Например, приставки *контр-*, *квази-*, *пост-*, *про-* в составе таких слов, как *контрдовод*, *контригра*, *квазипрефикс*, *квази-специалист*, *профранцузский*¹⁰, ввиду отсутствия редукции, сохраняют гласные [o], [a], которые при нормальных условиях должны были бы перейти в [a] или [ъ]. Не подвергается также редукции и не изменяется в [и'] или в [э'] гласный [’э] в таких, например, приставках, как *пре-*¹¹, *ре-*: *преадаптация*, *резмиграция*.

Признавая структурную независимость сегментов в составе производного слова необходимым условием агглютинативного построения деривационной конструкции, стоит подчеркнуть еще одну особенность русских и польских именных дериватов, образованных с помощью интернациональных префиксаль-

требуют к себе [...] случаи так называемого перекрещивания, или наложения морфем. По всей вероятности, явления своеобразной контаминации, взаимонаплывания [...] морфем типичны скорее [...] для построения слова по фузионному типу [...]” (см.: Е. С. Кубрякова, *Морфологическая структура слова в современных германских языках*. В кн.: *Морфологическая структура слова в индоевропейских языках*, Москва 1970, стр. 137). В связи с этим ср. также: А. Bartoszewicz, *Ewolucja współczesnego języka rosyjskiego a aglutynacja*. В сб.: *Języki i literatury wschodniosłowiańskie (Materiały Ogólnopolskiej Konferencji Naukowej, Łódź 14 - 15 czerwca 1976 r.)*, Łódź 1976, стр. 62.

⁸ Ср. характеристику агглютинативных аффиксов, данную А. А. Реформатским в кн.: *Введение в языковедение*, Москва 1967, стр. 270 - 272.

⁹ О наличии побочного ударения на префиксе см.: Р. И. Аванесов, *Русская литературная и диалектная фонетика*, Москва 1974, стр. 117 - 118.

¹⁰ Наличие побочного ударения на приставке в русском языке имеет иногда немало важное значение для понимания смысла производного слова, так как в некоторых случаях оно может служить средством дифференциации лексем. Так, например, ударение на приставке в таких образованиях, как *профранцузский*, *прорусский*, устраняя возможность изменения гласного приставки, одновременно элиминирует опасность омонимического совпадения ее с приставкой *пра-* в словах *прафранцузский*, *прарусский*.

¹¹ Здесь имеется в виду иноязычная приставка *пре-*, а не омонимичная ей приставка старославянского происхождения со значением интенсивности.

ных морфем. Дело в том, что агглютинативность в пределах производного слова выражается не только своеобразной техникой, состоящей в свободном, механическом приклеивании префикса, по прежде всего в том, что эта деривационная морфема присоединяется не к основе какого-либо слова, а к цельнооформленной, самостоятельной лексической единице: „...различие между флексией и агглютинацией — пишут Н. В. Солнцева и В. М. Солнцев, — не есть простое различие легкой или трудной членимости слова на основу и аффикс, как это иногда представляют в лингвистических работах. Здесь не только и не столько вопрос о степени спаянности основы и аффикса, сколько вопрос о самостоятельности основы”¹².

Так понимаемая агглютинация применительно к русскому и польскому языкам находит наиболее яркое выражение как раз в системе субстантивной и адъективной деривации с помощью интернациональных приставок, так как всем именованным интернациональным приставкам, используемым в русском и польском словообразовании, без исключений свойственна способность соединяться именно с самостоятельными словами. Ср. русск. *анормальный*—*нормальный*, *античастица*—*частица*, *архимощенник*—*мошеник*, *демилитаризация*—*милитаризация*, *дизассоциация*—*ассоциация*, *контратака*—*атака*, *реэвакуация*—*эвакуация*, *суперартиллерия*—*артиллерия*, *гиперактивность*—*активность*, *вицепредседатель*—*председатель*, *ультраконсервативный*—*консервативный*, *экс-губернатор*—*губернатор*, *субальпийский*—*альпийский*; поль. *apolityczny*—*polityczny*, *antynarodowy*—*narodowy*, *kontrargument*—*argument*, *arcyciekawy*—*ciekawy*, *transatlantycki*—*atlantycki*, *prozachodni*—*zachodni*, *ultradźwięk*—*dźwięk*, *wicewojewoda*—*wojewoda*, *supergeniusz*—*geniusz*, *pseudofilozofia*—*filozofia* и т. п. Эти мы вовсе не хотим подчеркнуть, что элементы агглютинативности не характерны для именных дериватов, образуемых с помощью русских и польских префиксов (ср., например, *сверх-быстрый*, *пре-милый*, *не-плюхой*, *со-автор*, *prze-bogaty*, *przeciw-ciato*, *pod-stacja*, *nad-ciśnienie* и под.), отметим однако, что среди отечественных приставок, особенно в русском языке, не все обладают способностью присоединяться к полным лексическим единицам, многие из них применяются зачастую в процессе так называемой конфикации¹³ и функционируют в составе производного слова вместе с суффиксом. Ср., например, *межречный*, но *речной*, *настенный*, но *стенной*, *приморский*, но *морской*; поль. *międzylesie*, *zapłocie* и под.

¹² Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев, *Анализ и аналитизм*. В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов, Москва—Ленинград 1965, стр. 82. Подобного мнения придерживается А. Бартошевич в цит. статье *Ewolucja współczesnego języka rosyjskiego a aglutynacja*.

¹³ О конфикации см.: В. М. Марков, *Замечания о конфикации в современном русском языке*, „*Язык Rosyjski*” 1968, № 3, стр. 7 - 12; см. также: В. М. Марков, Г. А. Николаев, *Некоторые вопросы теории русского словообразования*. В кн.: Именное словообразование русского языка, Казань 1976, стр. 7 - 8.

Стоит особо подчеркнуть, что на примере именных русских и польских дериватов с интернациональными приставками наиболее четко вырисовывается отличие не только между агглютинативной и фузионной формами, но и одновременно между агглютинативной и флективной, а также аналитической формами.

Так, для фузионной формы характерно тесное сплетение смежных фонем, влияние фонетического соседства в процессе объединения морфем в слово; при фузионной технике соединения морфемы, контактируя, испытывают различные изменения (ср., например, сиффиксальные формы *богатство* [bagáctvə] от *богат(ый)*, *kolchoźnik* [kolxoz'n'ik] от *kolchoz* или флективные *книга—книге* [kn'ig- — kn'ig'-], *okres* — *okresie* [ekres — okres'-]); при агглютинации, наоборот, объединяющиеся в одно слово морфемы четко отграничены друг от друга (ср. *анти-человек*, *пост-вулканический*, *de-sublimacja*, *pro-amerykański*); для флективной формы, в отличие от агглютинативной, характерно то, что после вычета аффикса остается основа — „обрубок”¹⁴, не имеющая в языке статуса самостоятельно употребляемого слова (ср. *злой* — *зл-*, *добры* — *добр-*¹⁵ и *ультрамодный* — *модный*, *superautomat* — *automat*); наконец, основная разница между агглютинативной и аналитической формами состоит в том, что при агглютинации, пользуясь словами Н. В. Солнцева и В. М. Солнцева, „соответствующий материальный элемент представляет собой отделяемый аффикс, не соотносимый ни с каким классом знаменательных или служебных слов, в случае же аналитической формы соответствующий материальный элемент является служебным (вспомогательным) словом и может быть подведен по некоторым признакам под какой-либо класс слов, существующий в данном языке”¹⁶ (интернациональные элементы анализируемого нами типа, например, *а-*, *анти-*, *архи*, *супер-*, *псевдо-*, *ультра-* и пр. в отличие от большинства исконно русских и польских приставок таких, как *под-*, *за-*, *над-*, *вне-*, *до-*, *от-*, *под-*, *за-*, *над-*, *од-* и нек. др., не соотносительны ни с каким классом самостоятельно употребляемых слов¹⁷; ср. аналитические формы *читал бы*, *będę czytał*, где вспомогательные элементы *бы*, *będę* могут рассматриваться как самостоятельные единицы)¹⁸.

¹⁴ См.: Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев, указ. соч., стр. 82.

¹⁵ В этом отношении исключение составляют те случаи, в которых слово и его основа совпадают в своем звуковом облике, например, *дом-а* — *дом-о*

¹⁶ Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев, указ. соч., стр. 82 - 83.

¹⁷ Показательно, что некоторые лингвисты, исходя из возможности параллельного употребления морфем предложного происхождения то ли как словообразовательных элементов, то ли как самостоятельных слов, отрицают даже префиксальный статус этих морфем и считают их компонентами сложных слов. Ср., напр.: W. Mańczak, *Polska fonetyka i morfologia historyczna*, Warszawa 1975, стр. 141.

¹⁸ О понимании аналитической формы см.: *Общее языкознание. Хрестоматия*, Минск 1976, стр. 265 - 266; А. Kowalska, *Ewolucja analitycznych form czasownikowych z imiesłowem na -ł w języku polskim*, Katowice 1976, стр. 13 - 20.

Представленный выше анализ агглютинативных черт русских и польских префиксальных имен, образуемых с помощью интернациональных формантов типа *a-*, *анти-*, *де-*, *ре-*, *супер-*, *пост-*, *транс-*, *ультра-* и т.п., касается в основном тех особенностей и явлений, которые связаны непосредственно со структурой производного слова. В дальнейшем попытаемся определить, какие агглютинативные элементы характеризуют производное слово с точки зрения его семантики.

Как справедливо замечает Е. А. Земская, рост агглютинативности в семантике производного слова обнаруживается в „устранении многозначности словообразовательных морфем” и тем самым в увеличении инвентаря аффиксов, имеющих в разных деривационных контекстах всегда одно и то же невариативное значение¹⁹.

Устранение полисемантизма отдельных словообразовательных морфем имеет, как известно, немаловажное значение для процесса коммуникации, так как дистаксическое сочетание одной морфемой нескольких функций приводит к многозначности производного слова и тем самым вызывает необходимость привлечения контекста для уяснения семантики этого слова²⁰. Подобный функциональный синкретизм не свойствен иноязычным префиксам названного типа — эти префиксы отличаются единством значения в сочетании со словами разной семантики и даже разных частей речи²¹. Ср., например, образования *суперпатриотизм*, *суперпятитонка*, *супергородской*, *суперсовременно*, *super-*

¹⁹ *Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка*, указ. соч., стр. 10.

²⁰ Как известно, исконно русские или польские приставки не всегда однозначны, так как нередко одна и та же префиксальная морфема даже в соединении с тем же словом может передавать различные значения. Ср., например, значения приставки *за-* в соединении со словом *ходить* в следующих контекстах: Когда *ходил* в институт, то *заходил* в библиотеку; Ребенок долго не *ходил* и *заходил* лишь на четвертом году; Мы *ходили* с ним по городу, и он *заходил* меня до полусмерти (примеры заимствованы у А. А. Реформатского из цит. кн.: *Введение в языковедение*, стр. 264 - 265); ср. также значения польской приставки *prze-* в таких контекстах, как: *Drogą przechodził chłopiec* и *W tych butach Adam przechodził dwie zimy*.

²¹ Именно однозначность иноязычных приставок интернационального типа обуславливает их мобильность, т.е. они довольно легко могут сочетаться со словами различных частей речи. Особенно показательны случаи, когда некоторые префиксальные морфемы (обладающие одним и тем же значением) могут соединяться не только с именами, но также и с наречиями и даже с глаголами. Ср. примеры, приводимые Е. А. Земской: „Мой брат настроен *антилыжно*. Предпочитает сидеть дома и читать романы”; „— Какой ты скучный, выглядишь *антипразднично*. Не заболел?” (*Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка*, указ. соч., стр. 164); „— человек всю жизнь бредил, а потом нашел более выгодным *антибредить*”; „Ходить по магазинам — это *антигулять*” (Е. А. Земская, *Современный русский язык. Словообразование*, Москва 1973, стр. 34); ср. также в польском языке: „... dyskusja wywołuje moc emocji; widać, że jej uczestnicy przejmują się do głębi tezami, które głoszą, że gotowi są do największych nawet poświęceń; furt obrażają się i *kontrobrażają*” („Argumenty” 1974, № 857).

inteligencja, supertankowiec, superluksusowy, supermodnie, в которых *супер-*, сочетаясь со словами разных семантических и лексико-грамматических классов, передает одно и то же невариативное значение высшей степени обнаружения, проявления чего-либо, благодаря чему семантика слов с этим элементом может быть понята вне всякого контекста.

Отметим, что и многие отечественные именные приставки в известной степени моносемантичны, однако, как указывалось выше, в отличие от приставок интернационального типа, не все из них способны присоединяться к полным лексическим единицам. А это имеет большое значение не только с точки зрения структуры производного слова, но также и с точки зрения семантики его отдельных частей.

Так, например, в образованиях, не являющихся результатом присоединения приставки к самостоятельному слову, отдельные компоненты тесно связаны семантически, и вторые части этих образований семантически не самостоятельны и обладают определенным значением только в сочетании с префиксом (ср. такие дериваты, как *междуречье, нагорье, zagórze* и т.п.). Это не типично для образований, созданных с помощью интернациональных приставок, так как отдельные части этих образований, представляющих сочетание префикса со структурно и, следовательно, семантически самостоятельной лексической единицей, в высокой степени автосемантичны и функционируют в составе слова как будто независимо друг от друга. Такие дериваты, как, например, *архиплут, вице-председатель, контракака, псевдореволюционный, супер-боевик, arcyuważny, kontrargument, postpozytywizm, pseudonauka, superlotniskowiec* и под. представляют собой двучленную структуру, каждая часть которой передает свою информацию.

Нет никакого сомнения в том, что слова указанного типа располагают признаками агглютинативности, так как при типично агглютинативном построении слова, согласно высказыванию А. А. Реформатского, „коммуникация возникает не через целое, не путем комплексных образований, а через последовательный ряд расчлененных частей, из которых каждая несет свою информацию”²².

Таким образом, благодаря семантической автономности отдельных компонентов производного слова и четкой отграниченности их друг от друга, а также благодаря однозначности префиксальных морфем, возникают условия, при которых каждой единице в плане содержания соответствует одна определенная единица в плане выражения²³. Отметим, что наличие подобного рода соответ-

²² А. А. Реформатский, *Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова*. В сб.: *Морфологическая типология и проблема классификации языков*, Москва—Ленинград 1965, стр. 85. См. также: Е. С. Кубрякова, указ. соч., стр. 152.

²³ Ср. приводимое А. А. Реформатским казахское аттыларымга — „моим всадникам”, являющееся цепочкой самостоятельных, однозначных морфем: *лошадь + обладающий + много + мой + ему* (*Введение в языковедение*, указ. соч., стр. 274).

ствия между означаемым и означающим является неотъемлемым признаком слова в языках типично агглютинативного строя.

Признавая префиксальные именные дериваты, производимые благодаря использованию иноязычных приставок названного типа; подлинно агглютинативными, укажем, что „интернациональная” префиксация не является единственной сферой распространения агглютинативных черт в системе русского и польского словообразования. Не менее агглютинативны, как нам кажется, и дериваты, созданные присоединением к самостоятельному слову некоторых других препозитивных элементов, таких, например, как *авто-*, *астро-*, *био-*, *космо-*, *теле-*, *термо-*, *фото-*, *электро-* и т.п.²⁴, и являющиеся образованиями промежуточного характера, стоящими на грани префиксальных и сложных слов²⁵. Ср. русские слова *автомилот*, *агрофизика*, *астродатчик*, *космоплавание*, *фотобумага*, *электронасос* и польские *agrochemia*, *astrofizyka*, *biosfera*, *teleprognoza*, *termospężarka*, *elektrotrakcja* и под.²⁶

Отмеченная тенденция к агглютинативному построению слова в современных русском и польском языках может иметь, как нам кажется, немаловажное значение для дальнейшего развития морфологических систем этих языков. Так, например, рост агглютинативности в структуре производного слова ослабляет или вообще элиминирует возможность действия морфологических процессов, разными путями приводящих к стиранию границ между морфемами. Кроме того, ограничение роли морфонологических чередований ведет к сокращению числа вариантов морфемы²⁷ и тем самым к увеличению свободы производства языковых единиц. Рост агглютинативности в семантике производного слова способствует увеличению числа словообразовательных морфем, способных передавать одно и то же значение в различных дерив-

²⁴ Основное различие между этими элементами и элементами типа *а-*, *анти-* заключается, на наш взгляд, в том, что первые характеризует конкретность и узость значения, в то время как последним свойственна высокая степень семантической абстракции, а также способность обозначать широкую смысловую категорию. В связи с этим ср.: Е. И. Голонова, *Слитное и дефисное написание препозитивных морфем в современном русском языке*. В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания, Москва 1974, стр. 44.

²⁵ Подробнее об этом см.: В. Л. Воронцова, *Процессы развития морфологических элементов, стоящих на грани морфемы и слова*. В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка, Москва 1964, стр. 93 - 105.

²⁶ Интернациональные препозитивные морфемы указанного типа используются преимущественно в терминологическом словообразовании, а слова, создаваемые с их помощью, представляют нередко результат лексикализации соотносительных по смыслу адъективно-субстантивных словосочетаний (ср. *электронасос* — *электрический насос*, *teleodbiornik* — *odbiornik telewizyjny*). В польском языке эти морфемы менее частотны, чем в русском, возможно потому, что в терминологических словосочетаниях польского языка определяющее слово стоит обычно в постпозиции по отношению к определяемому слову.

²⁷ См.: *Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка*, указ. соч., стр. 13.

вационных контекстах, т.е. в соединении с основами разных лексико-семантических и лексико-грамматических классов.

Разумеется, что тенденция к росту агглютинативности в русском и польском языках не действует сама по себе, а сопровождается другими активными процессами и явлениями, такими, например, как рост аналитизма, процесс интернационализации, стремление к стабилизации отдельных языковых единиц и к стабилизации системы языка в целом, а также стремление к экономии языковых средств и прочие²⁸. Не исключено, что все эти факторы вместе взятые могут с течением времени привести к более серьезным изменениям в морфологическом строе русского и польского языков.

²⁸ Ср. А. Bartoszewicz, указ. соч., стр. 56.